

DOI 10.37386/2305-4077-2023-3-66-75

М. И. Крюкова¹*Институт Филологии СО РАН***ЭКФРАСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ А. П. ХЕЙДОКА²**

В статье проанализированы экфрасис и «оживающие картины» в рассказах и сказках А. П. Хейдока, начавшего писательскую деятельность в Харбине. Сборник Хейдока «Звезды Маньчжурии» свидетельствует об интересе писателя к культуре Китая, его религии, обычаям и легендам. Рассказы Хейдока многогранны: сказка переплетается с повседневностью, герои мыслями «странствуют» в исторических событиях, «возвращаются» в детство или погружаются в философские размышления. В поэтике экфрасиса ощущается влияние философии и живописи Рериха, а также очевидны переключки с творчеством А. Грина.

Ключевые слова: экфрасис, А. Хейдок, Н. Рерих, крысолов, сказка, мифы Китая, А. Грин

M. I. Kriukova*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy
of Science***HAYDOCK'S EKPHRATIC FAIRY TALES**

The article analyzes the ekphrasis and «reviving pictures» in the stories and fairy tales of A. P. Haydock, who began his writing career in Harbin. Attention is paid to the picturesqueness of his stories: nature resembles Roerich's paintings. The motives of loneliness and silence penetrate Haydock's stories. Through the image of the ratcatcher and ekphrasis, the echoes with A. Grin's work are revealed. Haydock's collection «Stars of Manchuria» testifies to the writer's interest in Chinese culture, its religion, customs and legends. Haydock's stories are multifaceted: the fairy tale is intertwined with everyday life, the characters «wander» in historical events with their thoughts, «return» to childhood or plunge into philosophical reflections.

Keywords: ekphrasis, A. Haydock, N. Roerich, ratcatcher, fairy tale, Chinese myths, A. Grin

А. Хейдок жил и работал в Харбине с 1920 г., здесь началась его писательская деятельность³. А. А. Забияко в своих работах уделила внимание биографии Хейдока, становлению его как писателя, вопросу о том, как его теософские воззрения отразились в рассказах: «Произведения Хейдока <...> пронизаны теософскими идеями поиска сверхреального бытия, сопряженными с китайской мистикой и религиозными представлениями Востока, и насыщены соответствующей символикой» [Забияко, 2016, с. 271].

¹ Маргарита Ивановна Крюкова – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора литературоведения Института Филологии СО РАН (Новосибирск), iamdaisy@mail.ru

² Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19–18–00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

³ Первый его рассказ появился в журнале «Рубеж» в 1926 г.

Исследуя влияние китайских традиций на произведения Хейдока, Л. Шуан отметил, что Хейдока, «прежде всего, интересовали мистические аспекты китайских (и – шире – восточных, буддийских и даосских) верований» [Шуан, 2021, с. 76]. Х. Юйдань рассмотрел воплощение даосской концепции природы и человека в рассказе А. П. Хейдока «Шествие мертвых»⁴.

В одном из интервью Хейдок рассказал: «Меня всегда тянуло к русалкам и всяким духам природы» [Хейдок, 2011, с. 51]. В рассказе «Мотылек» он развил эту тему. Айвар знакомится с лесной феей по имени Астра, вступает за нее перед нежеланным поклонником, своей любовью, разжигая ее холодное сердце. Девушка становится его крылатым хранителем, превратившись в мотылька. У Айвара была заветная мечта, которую он «рисовал» в воображении – экфрасис в стиле Рериха с синими лесами, синими колокольчиками, голубым небом, лебедем, плывущим в синеве и синеокими духами. Картина манила, звала: «Он видел себя идущим по *пустынной*⁵ проселочной дороге» [Там же, с. 173]. И однажды герой, взяв рюкзак, отправился, «куда? он сам не знал» [Там же].

«Дорога никуда» отсылает к одноименному роману А. Грина, где героя тоже притягивала картина: «*безлюдная* дорога среди холмов» [Грин, 1980, т. VI, с. 45]. Судьба персонажа, который ищет свой жизненный путь, волновала не только писателей-эмигрантов, но и других творцов XX века. О. Колтовская в статье о Грине упоминает тему сверхъестественного: «Последователи Блаватской (1831–1891), Рерих (1874–1947), Гурджиев (1872–1942), Штейнер (1861–1925) <...> имеют массу поклонников. Часть гриновских рассказов прямо посвящены мистике и вопросам сверхчеловеческих сил» [Колтовская, 2015, <https://proza.ru/2015/09/08/2016>]⁶. Такие идеи были обусловлены контекстом времени: в начале века возрос интерес к потусторонним незримым загадкам.

В 1934 г. вышел сборник рассказов «Звезды Маньчжурии», который Хейдок посвятил своему наставнику Н. К. Рериху, чьи произведения (как живописные, так и литературные) высоко ценил⁷. Рассказы из сборника также свидетельствуют об интересе Хейдока к культуре Китая, его религии, обычаям и легендам.

Британский дипломат Э. Вернер, писатель-китаевед, специализирующийся на суевериях, мифах и легендах Китая, долгое время жил в Пекине и преподавал

⁴ Юйдань Хэ. Образы китайской культуры в рассказе А. П. Хейдока «Шествие Мертвых» / Хэ Юйдань // Славянский мир: духовные традиции и словесность. Сборник материалов международной научной конференции, посвящающей 300-летию А. П. Сумарокова, 200-летию А. К. Толстого. 2017. С. 163–167.

⁵ Курсив здесь и далее наш. – М. К.

⁶ В произведениях Грина (например, в рассказах «Львиный удар», «Преступление Отпавшего листа», «Приключения Бирка» и др.) можно расслышать теософские рассуждения и дебаты о запредельном.

⁷ В 1989 г., несмотря на полную потерю зрения, Альфред Петрович Хейдок (1892–1990) выступил с докладом «Подвиг Матери Агни Йоги» на конференции, посвященной 110-летию Елены Ивановны Рерих, в новосибирском Академгородке. Его знакомство с Н. Рерихом произошло в Китае в 1934 г.

в Пекинском университете. Результатом его исследований стала книга «Мифы и легенды Китая» (1922). «Вернер в своей книге “Словарь китайской мифологии” дал такое определение: “Мифология – это наука о ненаучном толковании людьми других миров” – отмечает А. В. Волкотрубова [Волкотрубова, 2021, с. 75]. Таинственные миры населяют фантастические обитатели, здесь свои правила жизни и поведения.

Мир мифов с его необычными жителями близок к пространству сказок. В китайских мифах, например, есть герой Чуньюй Фэнь, который, попав в дуло ясеня, где встретил много бессмертных фей, женится на одной из них. Так и в рассказе Хейдока «Навсегда» Николай знакомится с феей. События разворачиваются на северном Урале в жестокую стужу⁸. Николай, заселившись в гостиницу, идет по совершенно безлюдному коридору: здесь возникает очевидная аналогия коридора с безлюдной дорогой. На следующий день на базаре он у девочки покупает старую флейту и, тем самым, запускает цепь дальнейших мистических событий. Безлюдный коридор словно становится переходом в другое пространство и время. Флейта рисует в воображении образ Пана/Фавна, который позовет своей музыкой дриад и нимф.

Этот рассказ Хейдока напоминает новеллу Грина «Крысолов». Герой ощущает сильное одиночество, оставшись на ночь в здании банка с его бесконечными коридорами⁹. Огромное здание с таинственными комнатами и галереями манит своими загадками и предчувствием мистических событий. И действительно, герой, пройдя по безлюдным коридорам-переходам, попадает в фантастический мир, где крысы превращаются в людей.

Совершив переход по пустому коридору и став обладателем флейты, герой Хейдока запускает цепь фантастических событий, добавляя в свою жизнь приключения. Николай выбирает мелодию, играет, а затем прерывается из-за странного шума: «Я распахнул дверь – странная картина представилась моим глазам. <...> тетя Даша била направо и налево крыс» [Хейдок, 2001, с. 212]. Дверной проем становится рамкой оживающей картины, так как мелодию сопровождает рисунок крысы на полях нот. Первый оживший рисунок – крыса, символизирующая в китайском зодиакальном цикле начало нового года, а для героя Хейдока – начало новой жизни.

В рассказе приводится история не гамельнского крысолова, а тэдвортского барабанщика, который своей игрой избавил город от крыс. Легенда о барабанщике из Тэдворта ассоциируется с проявлением полтергейстов в Англии. Хейдок, с одной стороны, затрагивает популярный мотив крысолова в литературе, с другой стороны, связывает его с проявлением нечистой силы, но не в Германии, а Англии.

⁸ Мороз становится лейтмотивом во многих рассказах, символизируя одинокое, некомфортное, унылое состояние жизни.

⁹ А. Н. Варламов отмечает: «“Крысолов” – рассказ об одиночестве, о его “холодной пустыне”» [Варламов, 2005, с. 260].

В мифах Китая встречаются герои с флейтой: три брата Дянь, Хань Сяньцзы, демон пустоты и разрушения Сю Хао, бродячая певица Лань Цайхэ. Известна легенда о трех музыкальных братьях («Дянь Юаньшуай, Дянь Хун И, Дянь Чжибяо» [Вернер, 2001, с. 132]), которые игрой на флейте заставляли облака замедлить свой бег, а зимой распустились цветам. А однажды старший из братьев прогнал демонов из города, заманив их боем барабанов. Флейта в китайских легендах обладает волшебными свойствами, влияет на природу, подобно тому, как флейта в рассказе Хейдока вызывает бурю. Изгнание нечистой силы из города барабанным боем напоминает легенду о тэвортском барабанщике-крысолове.

В преданиях Китая встречаются и крысы. Одним из четырех алмазных владык неба был Мо Лихун, который носил с собой крысу. Это существо, подвластное метаморфозам, могло превратиться в крылатого белого слона, нападающего на людей.

Героя Хейдока загипнотизировал еще один рисунок – голова носорога, в которой чувствовалась злобная и сокращающаяся мощь. И он решает «выманить эту силу из ее потустороннего логова» [Хейдок, 2001, с. 216], словно призвать полтергейста в реальность. Николай чувствует, как накачивает тьма – ненасытная злоба, пугается и вовремя прекращает мелодию, предотвратив катастрофу. Очевидна переключка с экзотическими животными из мифов Китая: белый цвет огромного крылатого животного – носорога-слона – будто надвигающаяся метель, несущая разрушение и гибель¹⁰.

Во многих культурах носорог ассоциируется с силой и мощью. В Китае он несет негативный смысл: это символ злости, необузданной силы и ярости.

Е. Ю. Куликова, исследовавшая влияние творчества Гумилева на произведения русских эмигрантов в Китае, подчеркнула, что «душа, переходящая из одного тела в другое, – мысль, Гумилеву близкая и выраженная во многих его произведениях» [Куликова, 2020, с. 264]. Так и в рассказе Хейдока «Маньчжурская принцесса», душа странствует во времени: герой вспоминает прошлую жизнь, где он был разбойником.

Путешествия персонажей во времени характерны и для творчества А. Грина. В новелле «Фанданго» Александр Каур раздумывает о цыганах: «Что им история? эпохи? <... > Я видел тех самых бродяг с магическими глазами, каких увидит этот же город в 2021 году...» [Грин, 1980, т. V, с. 435]. Видимо, магия помогает им в этих перемещениях.

Оживление рисунков в рассказе Хейдока «Навсегда» характеризуют, скорее, темную сторону искусства музыки. Сперва крысы, затем невинные кувыркающиеся детишки стали воплощением сильного бурана на улице. Это напоминает герою рассказ бывалых людей о том, как погонщики в пустыне привлекали ветер насвистыванием. В этом рассказе можно увидеть продолжение легенды о кры-

¹⁰ Образ носорога из рассказа Хейдока отсылает к одноименному стихотворению Н. Гумилева, в котором тоже чувствуется надвигающаяся угроза: «... близко, близко / От твоей лесной поляны / Разъяренный носорог» [Гумилев, 1988, с. 104].

солове, который музыкой погубил детей из-за скупости отцов города¹¹. Флейта «зовет» Николая, которому хотелось снова попасть в мир неизведанного, ощутить его волшебство¹².

Последним ожившим рисунком у Хейдока становится милая головка ребенка с крылышками Купидона. Героя посещает предчувствие, что произойдет нечто хорошее и он увидит эльфов. Студеный зимний городок сменяется живописной местностью с Дивьей горой. Один старичок рассказывает, что когда-то на горе стоял пузатый каменный Див, «пока архангелы в музей не увезли» [Хейдок, 2001, с. 220]. И по поверьям, на той горе скачут бесы. Поначалу кажется, что с горой связано что-то мистическое, потустороннее, а археологи-архангелы спасли жителей от пробуждения нечистой силы. Хотя герой считает, что Церковь обманула людей, причислив русалок, полевиков и леших к чертям. И сам он видит волшебство, скрытое за очевидностью, – природа располагает. Дивья гора веет ароматом сказки, герой ждет появления гномов и эльфов, словно перемещаясь в пространство детства.

Природа притягивает героя, холмы щемяще зовут. Протагонист рассказа Грина «Далекый путь» мечтает жить в одиночестве в унылом городе. Его так сильно привлекает изображение гор на рисунке, что, очарованный, он покидает дом и уходит в горы. Герой Хейдока на природе ощущает себя мифическим богом Паном, играющим на свирели для наяд. Сначала он ощущает запах жасмина, а затем слышит голос девушки. Появляется нимфа, вышедшая из дерева, нагая и прекрасная. Лесным духом оказывается Дулма, которую когда-то поработил и привязал к флейте колдун. Как джин, Дулма в рассказе Хейдока мечтает получить свободу. Николай сжигает флейту, в благодарность фея обещает указать ароматом жасмина на суженую. Встретив вдову Марью с ребенком, по запаху жасмина герой понимает, что это его судьба. Марьюшка просит его вернуться к ней через полгода в Троицын день, где она будет его ждать под елью, чистая и обновленная. В этом слышатся отголоски стихотворения В. Брюсова «Крысолов»:

И в лесу под дубом темным...
Будет ждать в бреду истомном [Брюсов, 1961, с. 263]

В праздник Троицы обычно украшают храмы и дома: ветвями и травой, что символизирует обновление людей благодаря Святому Духу. Перед встречей с любимой Николай наслаждается природой, тишиной и покоем в безлюдном месте.

Аналогично и герой новеллы Грина «Крысолов»: «Тишина, которую слышим мы всегда внутри нас, – воспоминания звуков жизни, – уже манила меня, как лес» [Грин, 1980, т. IV, с. 371]. Картины прошлого часто вплетены в пространство сюжета. Герою кажется, что он бродит в прошлых столетиях, обернувшихся

¹¹ Баллада «Крысолов из Гамельна» (Волшебный рог мальчика. Из немецкой народной поэзии. Пер. Л. Гинзбурга. Москва, 1971. С. 13).

¹² Талантливого художника Доггера из рассказа Грина «Искатель приключений» также притягивала темная сторона искусства: помимо прекрасных полотен, он создавал и пугающие образы.

нынешним днем. Даже в бесконечных лабиринтах банка перед героем разворачивается своеобразный пейзаж. А в новелле Грина «Фанданго» Адександр Каур, рассматривая картину с изображением комнаты, видит, что на картине передана тишина.

Манящая тишина и одиночество пронизывают упомянутые рассказы Хейдока и Грина, персонажи чувствуют себя чужими в окружающей среде и пытаются сбежать из нее. Их манят искусство, красочный мир, сказки с их фантастическими жителями, Красота.

Герою Хейдока чудилась в бездонной голубизне неба, как «во весь рост стоит величественная женщина – Вечная Жена... И звездами струятся складки ее голубого покрывала» [Хейдок, 2001, с. 246]. Герой будто рассматривает картину Рериха «Матерь Мира» (1924): «Олицетворением Матери Мира на Земле была Елена Ивановна Рерих <...>. Елена Ивановна Рерих шла тем же путем духотворчества, что требовало огненного преображения всего ее существа, а значит, непрестанного подвига» [Кулакова, 2012, с. 197]. Душевное преображение героя – важная сюжетная составляющая творчества Хейдока.

Данные концепции близки к религиозной философии Вл. Соловьева и образу Вечной Женственности, одному из любимых в творчестве символистов¹³. В рассказе Хейдока «Маньчжурская принцесса» герой раздумывает над подобными вопросами: в мире «есть волшебные звуки, музыка, говорящая духу о любви и вечной красоте, которых мы никогда не встречаем среди людей» [Хейдок, 2001, с. 24]. К любви и красоте приводит музыка, но встретить их в реальности героя невозможно. Искать нужно в другом времени и пространстве.

Рассказчик вспоминает, как однажды он с другом – художником Багровым – как будто попали в картину Рериха. Мир виделся герою неземным, картинным. Бледные северные небеса таят неизмеримую глубину, в которой чувствуется вечность. Рассматривая пейзаж, он воспринимал его живым – фигурой, лежащей на спине и смотрящей в небо. Пейзаж-картина раздвинул не только пространственные границы, но и временные.

Багров рисует пейзаж и видит девушку, появившуюся между елями. Как и фея из рассказа «Навсегда», девушка словно выходит из деревьев. Общим неземным девушкам присуща красота, но и несчастье в выражении лица. Фея из «Навсегда» мучилась от звуков флейты, Девушка, которую видел Багров, смотрела с укором. Багров, рисуя ее, «перемещается» в другое время, в другую жизнь, в которой он – атаман шайки Яшка Багор, похитивший маньчжурскую принцессу. Став женой Багора не по своей воле, принцесса отвечает на чувства разбойника лишь в момент смертельной опасности, когда его чуть не убили напавшие маньчжурцы: «В минуту поражения эта женщина подарила мне свою любовь –

¹³ Поэты Серебряного века писали о лике вечной мистической возлюбленной, который нельзя было встретить среди земных лиц, так как существовал он в надежде и ожидании. «“Предчувствую тебя. Года проходят мимо...” (Блок, 1901); “В напрасных поисках за ней / Я исследил земные тропы... Она забытый сон веков, / В ней несвершенные надежды...” (Волошин, 1909)» [Литературная энциклопедия, 2001, с. 121].

навсегда...» [Там же, с. 37]. Любовь в рассказах Хейдока – нечто вечное, живущее в разных пространствах и временах.

В харбинском журнале «Рубеж» в статье о Рерихе «Мастер красоты духа» отмечается, что «Рерих способен лучше многих через завесу современности видеть будущее» [Бэн, 1930, с. 10]. Так и в произведениях Хейдока, где переплетаются прошлое, настоящее и будущее.

Герой из рассказа «Навсегда» размышляет о созидательной силе Любви, благодаря которой существует мир. Разлука дана людям, чтобы познать себя, стать совершеннее и стремиться к единению, гармонии и Красоте, даже если на это потребуются века. Души героев проходят испытания временем. Александр Каур (из «Фанданго» Грина) в конце новеллы тоже остается с любимой женой. Их судьбу устроил колдун Бам-Гран, с которым Александр встречается внутри картины. При этом пространственные и временные (в картине герой находился недолго, а когда вернулся, прошло два года) перемещения постоянно связывает музыка. В новелле это испанское фанданго.

Музыка предшествует появлению любимой девушки и у Хейдока. Герой новеллы «Навсегда» играет на флейте, и появляется фея. В «Рассказе деда Маркела» Хейдока рассказчик играет на гармошке и внезапно видит на вершине утеса девушку. Она, как и фея, несчастна. Герой спасает ее, искренне влюбляется и обещает ничем не попрекать.

В рассказе Хейдока «История ржавого, слегка согнутого гвоздя» музыка рождает у героя Вальдемара мысленные картины. «Венгерская рапсодия» Листа рисует в воображении степи и несущихся во время грозы коней. Дотрагиваясь до предметов, Вальдемар также мог мысленно переместиться в прошлое и увидеть чью-то жизнь. Гвоздь «показывает» жизнь его возлюбленной балерины, внимание которой уделяет пожилой человек, влияющий на профессиональный успех девушки. Персонажи произведений Хейдока часто проявляют рыцарские поступки и спасают своих возлюбленных, способствуют очищению их души. Вальдемар остается с балериной.

Протагонист рассказа «Маньжурская принцесса» вспоминает прошлую жизнь и понимает, что до сих пор любит свою умершую жену. Нарисовав ее портрет, на котором она получается как живая, он падает в обморок, отдавая свою жизненную энергию. Чтобы воссоединиться с любимой, Багров пытается сократить свой жизненный путь и, благодаря самовнушению, заболевает чахоткой. Остается портрет героини: «с полотна глядела, как живая, стоящая между двух аллей, девушка в древнем одеянии принцесс Цинской династии» [Хейдок, 2001, с. 21].

А. А. Забияко и К. А. Землянская объясняют временные перемещения героев рассказов Хейдока философскими воззрениями писателя. В теософском учении говорится, что «мы остаемся с теми, кого потеряли в материальной форме и становимся много ближе к ним, чем когда они были живы» [Забияко, Землянская, 2013, с. 201]. Истинная любовь считается святой и бессмертной, она способна воплотиться вновь, существуя под девизом «навсегда».

Теософские взгляды, интерес к мистике, мотив крысолова, перемещения героев в пространстве и времени присущи и творчеству Грина, в рассказах которого герои тоже ищут свой путь, бредут в одиночестве по дороге в никуда.

Произведения Хейдока представляют собой синтез разных культур, переплетение мифов стран Европы и Азии. Сюжеты рассказов реалистичны и фантастичны одновременно. На писательскую деятельность Хейдока оказывала влияние окружающая среда, китайские традиции, знакомство с Рерихом, его философские взгляды. Очевидны и интертекстуальные переключки с писателями и поэтами XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брюсов, В. Я. Стихотворения и поэмы / В. Я. Брюсов. – Ленинград: Советский писатель, 1961. – 913 с.

Бэн. Мастер красоты духа / Бэн // Рубеж. – Харбин. 1930. – № 2. – С. 9–10.

Грин, А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4 / А. С. Грин. – Москва: Правда, 1980. – 478 с.

Грин, А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5 / А. С. Грин. – Москва: Правда, 1980. – 496 с.

Грин, А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6 / А. С. Грин. – Москва: Правда, 1980. – 494 с.

Гумилев, Н. С. Стихотворения и поэмы / Н. С. Гумилев. – Ленинград: Советский писатель, 1988. – 632 с.

Варламов, А. Н. Александр Грин / А. Н. Варламов. – Москва: Молодая гвардия, 2005. – 450 с.

Вернер, Э. Мифы и легенды Китая / Э. Вернер. – Москва: ЗАО Центрполиграф, 2021. – 365 с.

Волкотрубова, А. В. Мифология Китая глазами одного западного ученого. Эдвард Вернер и его книга «Китайские мифы и легенды» / А. В. Волкотрубова, С. Ч. Мамбеталиева // Научные исследования в Кыргызской Республике. – 2021. – № 1–2. – С. 69–79.

Забияко, А. А. «В прошлой жизни я был русским»: теософия и мистический реализм под звездами маньчжурии (Альфред Хейдок) / А. А. Забияко // Ментальность дальневосточного фронта: Культура и литература русского Харбина. – Новосибирск, 2016. – С. 264–282.

Забияко, А. А. Теософская утопия в культурной жизни дальневосточной эмиграции / А. А. Забияко, К. А. Землянская // Религиоведение. – 2013. – № 3. – С. 177–211.

Колтовская, О. Плещутся волны. Читая Александра Грина / О. Колтовская. – URL: <https://proza.ru/2015/09/08/2016> (дата обращения: 7.07.2023).

Кулакова, Е. С. Матерь Мира как творческая сила космоса / Е. С. Кулакова // Живая Этика – Как творческий импульс Космической Эволюции. материалы Международной научно-общественной конференции. – Москва: Международный центр Рерихов, 2012. – С. 192–202.

Куликова, Е. Ю. Гумилевский след в повести шанхайского мариниста Б. Я. Ильвова «Летучий голландец» / Е. Ю. Куликова // Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства. – Санкт-Петербург: Алетейя. 2020. – С. 257–268.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. – Москва: НПК «Интелвак». 2001. – 1600 с.

Хейдок, А. П. Звезды Маньчжурии / А. П. Хейдок. – Москва: ИДЛи, 2001. – 320 с.

Хейдок, А. П. Страницы моей жизни / А. П. Хейдок. – Москва: Дельфис, 2011. – 232 с.

Шуан, Ли. Изображение китайских традиций в прозе русской эмиграции / Ли Шуан // Филология в XXI веке. – 2021. – № 2 (8). – С. 74–85.

REFERENCES

Bryusov, V. YA. Stihotvoreniya i poetry / V. YA. Bryusov. – Leningrad: Sovetskij pisatel'. 1961. – 913 s.

Ben. Master krasoty duha / Ben // Rubezh. – Harbin. 1930. – № 2. – S. 9–10.

Grin, A. S. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 4 / A. S. Grin. – Moskva: Pravda, 1980. – 478 s.

Grin, A. S. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 5 / A. S. Grin. – Moskva: Pravda, 1980. – 496 s.

Grin, A. S. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 6 / A. S. Grin. – Moskva: Pravda, 1980. – 494 s.

Gumilev, N. S. Stihotvoreniya i poetry / N. S. Gumilev. – Leningrad: Sovetskij pisatel', 1988. – 632 s.

Hejdok, A. P. Zvezdy Man'chzhurii / A. P. Hejdok. – Moskva: IDLi, 2001. – 320 s.

Hejdok, A. P. Stranicy moej zhizni / A. P. Hejdok. – Moskva: Del'fis, 2011. – 232 s.

Koltovskaya, O. Pleshchutsya volny. Chitaya Aleksandra Grina / **O. Koltovskaya.** – URL: <https://proza.ru/2015/09/08/2016> (7.07.2023).

Kulakova, E. S. Mater' Mira kak tvorcheskaya sila kosmosa / E. S. Kulakova // ZHivaya Etika – Kak tvorcheskij impul's Kosmicheskoy Evolyucii. materialy Mezhdunarodnoj nauchno-obshchestvennoj konferencii. – Moskva: Mezhdunarodnyj centr Rerihov, 2012. – S. 192–202.

Kulikova, E. YU. Gumilevskij sled v povesti shanhajskogo marinista B. Ya. Il'vova «Letuchij gollandec» / E. YU. Kulikova // Russkij Kitaj i Dal'nij Vostok. Poeziya, proza, svidetel'stva. – Sankt-Peterburg: Aletejya. 2020. – S. 257–268.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. – Москва: НПК «Интелвак». 2001. – 1600 с.

SHuan, Li. Izobrazhenie kitajskih tradicij v proze russkoj emigracii / Li SHuan // Filologiya v XXI veke. – 2021. – № 2 (8). – S. 74–85.

Varlamov, A. N. Aleksandr Grin /A. N. Varlamov. – Moskva: Mol. gvardiya, 2005. – 450 s.

Verner, E. Mify i legendy Kitaya / E. Verner. – Moskva: ZAO Centrpoligraf, 2021. – 365 s.

Volkotrubova, A. V. Mifologiya Kitaya glazami odnogo zapadnogo uchenogo. Edvard Verner i ego kniga «Kitajskie mify i legendy» / A. V. Volkotrubova, S. Ch. Mambetalieva // Nauchnye issledovaniya v Kyrgyzskoj Respublike. – 2021. – № 1–2. – S. 69–79.

Zabiyako, A. A. Teosofskaya utopiya v kul'turnoj zhizni dal'nevostochnoj emigracii / A. A. Zabiyako, K. A. Zemlyanskaya // Religiovedenie. 2013. – № 3. – S. 177–211.

Zabiyako, A. A. «V proshloj zhizni ya byl russkim»: teosofiya i misticheskij realizm pod zvezdami man'chzhurii (Al'fred Hejdok) / A. A. Zabiyako // Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: Kul'tura i literatura russkogo Harbina. – Novosibirsk, 2016. – S. 264–282.